

АКАДЕМИКУ М.М. АДЫШЕВУ 100 ЛЕТ

К.С.Сакиев, В.В. Киселев

Институт геологии им. М.М. Адышева НАН КР

Вот и промелькнуло столетие со дня рождения удивительного человека, нашего современника, оставившего свое имя Геологическому Институту, в период руководства которым последний удостоился Ордена Трудового Красного Знамени, достиг максимального расцвета в количественном и качественном отношении. Да, пример Института, который в прошлом за короткий срок сумел войти в число флагманов не только Советской, но и мировой геологической науки, в познании горно-складчатых областей, и особенно той ее, большей, неизведанной древней части, с которой были связаны новые перспективные месторождения и проявления стратегического сырья, мог бы пригодиться и сегодня, но вспоминается в связи с ролью, которую в этом процессе сыграл талантливый человек. Произошло это на наших глазах, представителей поколения, пришедшего в Институт в пору его детства, когда его покидали последние (возвращались домой) наставники из эвакуированных в военное время видных специалистов Центральной России. Для нас, первых выпускников ФПИ и КГУ тогда (1956-1957 гг) председательствовавший на защите дипломных проектов Муса Мирзапаязович Адышев - молодой ученый, занимавшийся “закрытой” -секретной и уже потому привлекательной тематикой, представлялся элегантным и очень интеллигентным мэтром, самолично знакомившимся с контингентом выпускников и выбиравшим для себя будущих сотрудников. Ему помогал неизвестный тогда нам, но популярный исследователь Джекказгана В.М. Попов, а также хорошо известный нам, как геолог с энциклопедическими знаниями и практическим опытом, наш преподаватель – В.Г. Королев, получивший хоздоговорные средства на проведение государственной геологической съемки и поиски территории стотысячного листа в Джетым-Тоо. У Института на тот исторический момент кроме нескольких талантливых энтузиастов-руководителей и решения о выделении средств на хозяйственный договор не было

ничего: ни снаряжения, ни лабораторного оборудования, ни помещений, ни штатных исполнителей, а вместо научно-исследовательской работы предлагался по сути производственный процесс, выполнить который по строгим предписаниям методических руководств в суровых условиях высокогорья было очень непросто даже подготовленным профессионалам.

Сегодня, по прошествии 60 лет, нам, сохранившимся в живых участникам прошлых событий, они не кажутся героическими, нам было по 19-20 лет, и мы только начинали каждый свой путь на службе отечеству (иначе никто и думать не мог). Но память индивидуальна и каждый запечатлевает свое, совокупность которого может и дает в итоге оттенки расцветки запавших в памяти событий (картин) прошлого, отражая при этом принятые индивидуальные решения и выход за пределы predetermined жизненных обстоятельств. Так вот для нашей группы, общий путь которой был предначертан волею таких личностей, как М.М. Адышев, оказался исторически оправданным.

Но было бы заблуждением считать нашего юбиляра великим стратегом, оторванным от повседневных жизненных реалий, неукоснительно выполняющим предписания партии и меняющегося чиновного начальства, скорее наоборот.

Примеры его взаимоотношений с равными по авторитету коллегами, такими как В.Г. Королев, С.Д. Туровский, А.А. Конюк, В.Т. Сургай, В.М. Попов, П.Г. Григоренко и их подопечными со сложными судьбами, разными способностями и реализуемыми возможностями говорят о его исключительных тактико-педагогических способностях, которые позволяли ему поддерживать коллектив “в тонусе” и оберегать от ни в меру ретивых командиров. Мягкий и обходительный со всеми в общении, он оставался жестким и непреклонным в осуществлении намеченного к исполнению, используя при этом широчайший арсенал возможностей, зачастую опосредованного, чисто психологического воздействия через окружение. Внимательный и участливый ко всем, он часто удивлял своей осведомленностью о личных текущих проблемах каждого, поэтому когда спрашивал, как отреагирует коллектив на очередное из принимаемых решений, понимал под этим не точку зрения профсоюзного или партийного лидера, а действительно глубинное, истинно справедливое на выхваченный момент и вызревшее в коллективе мнение, прекрасно чувствуя и неукоснительно соблюдая разницу между тем, о чем принято, а о чем порой и неприлично говорить вслух.

В коллективе бытовало мнение об огромных возможностях своего директора, но он предпочитал об этом помалкивать и не сеять обещаниями, хотя каждый

может вспомнить случаи его оперативного вмешательства и быстрой помощи в решении самых разнообразных жизненных коллизий и проблем.

В памяти всех остались примеры “злостного” невыполнения им серии распоряжений сверху о незамедлительном увольнении ссыльного Королева, ну, а если персонально, то это бесчисленное множество случаев содействия в разрешении производственных недоразумений, научных непримиримых споров, а также личных проблем, начиная от жилищных, до бытовых семейных конфликтов и разрешения амбициозных претензий коллег.

Естественно, что у юбиляра был круг более и менее близких ему людей, которые, несмотря на его объективность, нередко пользовались возможностями более частого и тесного общения с таким способным директором.

Он знал это и старался корректно оградиться от иногда навязчивых демонстраций приближенности, вероятно испытывая при этом чувства и неловкость кинозвезд.

Мне вспоминается случай на летном поле Ленинабада, где совершил вынужденную посадку самолет, на котором большая группа сотрудников нашего Института возвращалась с Всесоюзного совещания, прошедшего в Таджикском геологическом Институте Душанбе. Мы продемонстрировали там высокий класс докладов, возвращались в приподнятом настроении и были довольны оказанным нам приемом и даже вынужденной посадкой в Ленинабаде, где незадолго до этого открылся музей с экспонатами, в т.ч. и геологическими, на родине знаменитого потомка Алайской царицы. М.М. Адышев заметил, что здесь, на его родине это обстоятельство до сих пор не утратило своего значения и мы могли бы убедиться в этом, посетив музей и непременно отведав традиционного бешбармака. Ни на шаг не отстававший от него недавно назначенный ученым секретарем Совета по защитах диссертаций В.В. Малыгин, решил заметить, что у него тоже в крови примесь баронской крови, доказательством чего являются воспоминания родственников и галстук. -“Только мы при галстуках, шеф и я”, на что сразу же получил замечание, что дело не в седле, а на ком оно, на скакуне, или корове и инструкцию, как вязать и носить галстук.

М.М. Адышев был популярен не только на Юге. В Институт с Нарынских сыртов зачастили доброхоты-помощники, прознавшие, что его ребята собирают окаменевшие организмы. Однажды в приемную двое ребят ввели почтенного аксакала и внесли привезенную им поклажу -2 мешка крупных, собранных в осыпи и потому очищенных от вмещающей известняковой массы криноидей. Директор

принял его незамедлительно и, как дорогого гостя, велел Уч. Секретарю и бухгалтеру изыскать деньги для расплаты за привезенное сокровище.

10 напряженных лет, потребовавшихся для самостоятельного становления на собственные ноги, для Института, конечно, срок рекордный, но и поставленная цель была не простой, а, прежде всего, политической. Сейчас в памяти всплывают детали эпопеи спасения Иссык-Куля с переброской вод Сарыджаза, в которой участвовали крупнейшие проектные организации Союза с гигантскими ассигнованиями. Подключиться к этой работе означало получение очень приличных средств не только для тематики академической науки, но Республики в целом.

И вот, на организованной в Институте конференции, посвященной проблемам Иссык-Куля, от него выступает группа молодых ученых лаборатории новейшей тектоники (зав. О.К. Чедия) со свежими потрясающими данными, блестяще доложенными Алексеем Трофимовым.

Общий их смысл сводился к тому, что изменения уровня воды в озере являются естественным и ритмично повторяющимся процессом, изменить который никому не удастся, то есть спасать Иссык-Куль нет необходимости, а сумасшедших размеров затраты могут расцениваться как ненужные и даже преступные. О последнем он с трибуны не говорил, но живо обсуждал с участниками в кулуарах.

Ясно, что цель конференции была иной и М.М. Адышев срочно предпринимает меры, чтобы исправить возникшую неловкую ситуацию.

Были организованы не очень убедительные выступления против главных положений Алексея, а меня он попросил, как его закадычного друга, постараться объяснить ему, что все мы рады его действительно успешной работе, несомненно оцениваем его патриотический порыв, но рекомендуем не мочиться против ветра. Тем более, что в конечном итоге неизвестно, какая из решаемых задач крупнее и важнее, прежде всего для нас, ведь не считает же он свою работу бесцельной и бесполезной, хотя и проведенной за те же народные деньги.

Следуя призывам типа Наука в Производство и что главное внимание должно уделяться Полезным Ископаемым, наш юбиляр прекрасно сознавал, что грамотные металлогенические прогнозы невозможны без качественной стратиграфо-тектонической основы и поддерживал лаборатории регионального стратиграфо-тектонического направления, уделяя этим разделам геологии первостепенное внимание, в том числе и в своих собственных исследованиях.

Известные о нем анекдотичные случаи требования от палеонтологов спектральных анализов раковин, думаю обязаны возникавшей временами необходимости

предупреждения у стратиграфической элиты –палеонтологов, зазнайства и уважительного отношения ко всем направлениям геологических исследований.

Несомненные симпатии он испытывал к сложной современной измерительной технике, электронным физическим приборам, химии, полагая, что за ними будущее геологической науки.

Его лаборатория тоже носила название ядерной и он очень много сделал для оснащения ее и физико-химических подразделений Института современными приборами и оборудованием.

Вовсе не “технар” по образованию, будучи членом бюро отделения, Президиума АН, а затем Президентом, в отличие от своих помощников-инженеров, он хорошо разбирался в особенностях современной техники, зная, что жидким азотом не запасешься впрок, а вакуум не получишь в Академснабе.

Память о человеке, судьба которого неразрывно связана с профессией геолога, услужливо подбрасывает все новые и новые детали его сложного восприятия не только окружающих людей, дела, которому посвятил себя, но и физического мира, окружающей природы. В тесном контакте с ней он проводил больше времени, чем прочие горожане и возможно поэтому воспринимал ее как часть самого себя, а вернее себя ее частью, искренне любил и желал этому сплаву необходимых, и вполне осуществимых улучшений и совершенствования.

Пытаться раскрыть все это по фрагментам воспоминаний одного или даже нескольких современников невозможно, тем более, что человек этот не простой, а отмеченный государством представитель страны и народа, причем в период истории, чрезвычайно насыщенной драматическими политическими событиями и прошедший в непрерывной борьбе народа за свободу, независимость, экономическую и политическую состоятельность, повышение уровня жизни, культуры, рациональности использования для этого природных ресурсов, преодоление не вяжущихся с достижениями мировой цивилизации, веками удерживающихся национальных традиций, значит браться за многотомный труд, который в любом варианте окажется политически не однозначным.

Зная М.М. Адышева, сегодня можно утверждать, что это выдающийся представитель своего народа, достойный герой для создания оптимистичной и необходимой сегодня поучительной саги о стране с огромными природными ресурсами, возможностями и непреодолимым желанием людей исправить сложившуюся историческую несправедливость. Много из его опыта может и должно быть использовано сейчас.